

ФРАНЦУЗСКИЕ ДЕТИ НЕ ПЛЮЮТСЯ ЕДОЙ

Секреты воспитания из Парижа

САМОЕ
ПОПУЛЯРНОЕ
ПОСОБИЕ
ПО ВОСПИТАНИЮ
ДЕТЕЙ

Коммерсантъ
Weekend

ПАМЕЛА ДРУКЕРМАН

Памела Друкерман
Французские дети не
плюются едой. Секреты
воспитания из Парижа
Серия «Мировые родители»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6703104

Памела Друкерман. Французские дети не плюются едой. Секреты воспитания из Парижа: Синдбад; Москва; 2014

ISBN 9785905891151

Оригинал: Pamela Druckerman, "Bringing Up Bébé"

Перевод:

Юлия Ю. Змеева

Аннотация

Французским родителям удается вырастить счастливых, вежливых и послушных детей, не жертвуя при этом своей взрослой жизнью. Почему французы, в отличие от нас, не проводят часть ночи в попытках убаюкать своих малышей? Почему их дети не требуют непрерывного внимания? Почему они не вмешиваются, когда взрослые общаются, и не устраивают истерик в магазинах игрушек? Почему спокойно ведут себя в ресторанах, едят взрослые блюда и способны без скандала выслушать родительское «нет»?

Француженки обожают своих детей, но не позволяют им погубить свою фигуру, карьеру и социальную жизнь. Даже с грудными детьми они выглядят модно и сексуально. Как это им удается?

Американская журналистка Памела Друкерман, живущая в Париже с мужем-англичанином и тремя детьми, исследовала феномен французского воспитания. У нее получилась очень личная, живая, полная юмора и одновременно практичная книга, раскрывающая секреты французов, чьи дети прекрасно спят, хорошо едят и не допекают своих родителей.

Содержание

Словарь французских воспитательных терминов	8
Предисловие	12
Глава 1	22
Глава 2	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Памела Друкерман

Французские дети не плюются едой. Секреты воспитания из Парижа

*Посвящается Саймону, рядом с которым все
обретает смысл*

*Les petits poissons dans l'eau,
Nagent aussi bien que les gros.*

Маленькие рыбки плавают как большие.

Французская детская песенка

Книга стала модной мгновенно. С одной стороны, она про воспитание детей, а с другой – про *savoir vivre* (знаменитое «умение жить»), в чем, по мнению французов, им нет равных... Это книга о том, как воспитать счастливого, уверенного в себе и самостоятельного человека, не занимаясь с ним иностранными языками с младенчества и не кормя грудью до двух лет. И о том, как быть матерью, женщиной и социальной единицей.

Олеся Ханцевич, журнал «Эксперт»

Чуть ли не самое популярное сегодня пособие по воспитанию детей.

Лиза Биргер, журнал «Коммерсантъ Weekend»

Почему во Франции так много гурманов, гедонистов и ценителей прекрасного? Это – результат воспитания по-французски. Нам есть чему поучиться.

Марина Зубкова, журнал «Читаем вместе»

Друкерман написала книгу, ставшую международным бестселлером. Выяснилось, что, пока все остальные воспитывают своих детей, французы их «выращивают»... Теоретически это приведет к тому, что дети будут вести себя «цивилизованно», а родители чувствовать себя расслабленно.

Лев Данилкин, журнал «Афиша»

Удивительная книжка. Я не спала две ночи, просто не могла оторваться.

Елена Соловьева, журнал «Растим ребенка»

Памела Друкерман оказалась доходчивым автором и умной мамой, которая охотно пишет о своих слабостях и не стесняется учиться.

Ян Левченко, «Московский книжный журнал»

Полемизируя с автором, можно четче сформулировать свою позицию – и выбирать те элементы французской философии и воспитания, которые подойдут именно вашей семье. Журнал Psychologies

Французские родители прежде всего ненавязчивы, спокойны и терпеливы. Это что-то вроде трехзначного кода, зная который, можно раскрыть главный секрет их воспитательной системы.

Вера Бройде, газета «Книжное обозрение»

Жизнь родителей не должна останавливаться с появлением детей; она просто становится другой. Книга содержит новый и оригинальный взгляд на воспитание детей и общение с ними.

Анна Ахмедова, «Папин журнал»

Легко и остроумно Памела рассказывает о правилах воспитания детей во Франции. Следовать им несложно, и они работают!

Журнал «Буду мамой»

Уже с первых страниц книги становится понятно: если наши дети проигрывают французским в хороших манерах, то причина, скорее всего, не в них, а в нас, российских родителях. Точнее, в наших родительских реакциях на разные маленькие и большие проблемы.

Ирина Накисен, журнал «Сноб»

Очень личная, живая, полная юмора и невероятно полезная книга о тонкостях воспитания. И пусть секреты француженок так же неуловимы, как их знаменитый шарм, научиться у них балансу между строгостью и свободой все-таки можно.

Наталья Ломыкина, журнал «Форбс»

Некоторые имена и детали в этой книге изменены в целях обеспечения анонимности

Словарь французских воспитательных терминов

Attend – *подожди, постой*. Эта команда, которую дают родители детям во Франции, означает, что ребенок вполне способен подождать желаемого и в промежутке может занять себя сам.

Au revoir – *до свидания*. Дети во Франции должны говорить *au revoir*, когда прощаются со знакомыми взрослыми. Одно из четырех «волшебных слов», которые должен знать каждый французский ребенок...

Autonomie – *автономность*. Независимость и умение полагаться только на себя воспитывают в детях с ранних лет.

Vêtise – *маленькая шалость*. Разделение проступков на более и менее серьезные помогает родителям реагировать на них соответственно.

Bonjour – *здравствуйте, добрый день*. Так дети здороваются со знакомыми взрослыми.

Casa boudin – букв. *кака-сосиска, какашка*. Ругательное слово французских детсадовцев.

Cadre – *рамки, границы*. Идеал французского воспитания: детям устанавливают четкие рамки, однако внутри этих рамок им предоставлена полная свобода.

Caprice – *каприз*. Импульсивное желание, прихоть или

требование ребенка, часто сопровождаемые нытьем или слезами. Французские родители считают, что потакать капризам вредно.

Classe verte – *«зеленый класс»*. Начиная с первого класса школы ученики ежегодно примерно на неделю выезжают на природу под присмотром учителя и нескольких взрослых.

Colonie de vacances – *детский лагерь отдыха*. Во Франции несколько сотен таких лагерей для детей от четырех лет. Они отдыхают там без родителей, обычно в сельской местности.

Complicité – *взаимное доверие*. Обоюдное понимание, которого с самого рождения пытаются добиться от детей французские родители и воспитатели. Они считают, что даже маленькие дети способны мыслить рационально и с ними можно построить отношения, основанные на взаимопонимании и уважении.

Crèche – *французские государственные ясли на полный день*. Французы из среднего класса обычно отдают детей в ясли, а не оставляют с нянями. Государственные ясли они предпочитают частным, «домашним».

Doucement – *тихо, осторожно*. Одно из тех слов, которые воспитатели часто говорят маленьким детям, считая, что даже малыши способны поступать осознанно и контролировать свои действия.

Doudou – *любимая игрушка*, обычно мягкая – та, с которой ребенок засыпает.

École maternelle – *бесплатный государственный детский*

sad. В детский сад ребенок идет в сентябре того года, когда ему исполняется три.

Éducation – *обучение, воспитание*. Французские родители относятся к воспитанию детей как к обучению.

Enfant roi – *ребенок-король*. Чересчур требовательное дитя, которое постоянно находится в центре внимания родителей и совершенно не терпит, если что-то «не по нему».

Équilibre – *равновесие*. Все в жизни должно быть уравновешено, и ни одна роль не должна перекрывать другие – в том числе и роль родителя.

Éveillé/e – *пробужденный, живой, активный*. Идеальное качество французского ребенка. Еще одно идеальное качество – рассудительность, см. *sage*.

Gourmand/e – тот, кто ест слишком быстро, слишком много или слишком любит какое-то одно блюдо.

Goûter – *полдник*. Полдничают обычно в 16.00, и это единственный «перекус» в течение дня.

Les gros yeux – *«большие глаза»*. Укоризненный взгляд – так взрослые смотрят на расшалившихся детей.

Maman-taxi – *мама-такси*. Так называют мам, которые все свободное время возят детей с одной «развивалки» на другую. Это считается не *équilibré*.

N'importe quoi – *бог знает что, как вздумается*. Ребенок, который так ведет себя, не знает границ дозволенного и не думает об окружающих.

Non – *нет, ни в коем случае*.

Profter – *наслаждаться, пользоваться моментом*.

Punir – *наказывать*. Наказывают во Франции только по очень серьезным, нешуточным поводам.

Rapporter – *наябедничать, донести*. Во Франции и дети, и взрослые считают это ужасным.

Sage – *рассудительный, спокойный*. Так говорят о ребенке, который умеет себя контролировать или поглощен игрой. Вместо «веди себя хорошо» французские родители говорят: «будь *sage*».

Tétine – *соска*. Трехлетние и четырехлетние дети с соской во рту – во Франции обычное дело.

Предисловие

Французские дети не плюются едой Когда нашей дочери исполнилось полтора года, мы решили взять ее с собой в отпуск.

Выбираем прибрежный городок в нескольких часах езды на поезде от Парижа, где мы живем (мой муж – англичанин, я – американка), и бронируем номер с детской кроваткой. Дочка у нас пока одна, и нам кажется, что никаких сложностей не будет (какая наивность!). Завтрак у нас в гостинице, а обедать и ужинать придется в рыбных ресторанчиках в старом порту.

Очень скоро выясняется, что два похода в ресторан ежедневно с полуторагодовалым ребенком могут стать отдельным кругом ада. Еда – кусочек хлеба или что-нибудь жареное – увлекает нашу Бин лишь на пару минут, после чего она высыпает соль из солонки, рвет пакетики с сахаром и требует, чтобы ее спустили на пол с детского стульчика: ей хочется носиться по ресторану или убежать в сторону причала.

Наша тактика – есть как можно быстрее. Заказ делаем, не успев как следует усесться, и умоляем официанта поскорее принести хлеб, закуски и горячее – все блюда одновременно.

Пока муж заглатывает рыбу кусками, я слежу, чтобы Бин не попала под ноги официанту и не утонула в море. Потом мы меняемся... Чаевые оставляем огромные, чтобы хоть как-то компенсировать чувство вины за горы салфеток и ошметки кальмаров на столе.

На обратном пути в гостиницу мы клянемся никогда больше не путешествовать и не заводить детей – ведь от этого сплошные несчастья. Наш отпуск ставит диагноз: жизнь, какой она была полтора года назад, кончена навсегда. Не знаю, почему нас это удивляет.

Выдержав несколько таких обедов и ужинов, я вдруг замечаю, что семьи французов за соседними столиками, пожалуй, не испытывают адских мук. Как ни странно, они-то как раз похожи на людей в отпуске! Французские дети, ровесники Бин, спокойно восседают на своих высоких стульчиках и ждут, пока им принесут еду. Они едят рыбу и даже овощи. Они не вопят и не хнычут. Вся семья ест сначала закуски, потом горячее. И не оставляет после себя горы мусора.

Хоть я и прожила во Франции несколько лет, объяснить это явление не могу. В Париже детей в ресторанах встретишь редко, да я к ним и не присматривалась. До родов я вообще не обращала внимания на чужих детей, а теперь смотрю в основном на своего ребенка. Но в нашем нынешнем бедственном положении не могу не заметить, что некоторые дети, похоже, ведут себя иначе.

Но почему? Неужели французские дети генетически спо-

койнее других? Может быть их заставляют подчиняться методом кнута и пряника? Или здесь до сих пор в ходу старомодная воспитательная философия: «детей должно быть видно, но не слышно»?

Не думаю. Эти дети не кажутся запуганными. Они веселы, разговорчивы, любопытны. Их родители внимательны и заботливы. А над их столиками будто витает некая невидимая сила, заставляя вести себя цивилизованно. Подозреваю, что она управляет всей жизнью французских семей. Но полностью отсутствует в нашей.

Разница не только в поведении за столиком в ресторане. Например, я ни разу не видела, чтобы ребенок (не считая моего собственного) закатил истерику на детской площадке. Почему моим подругам-француженкам не приходится прерывать телефонные разговоры, когда их детям срочно что-то понадобилось? Почему их комнаты не оккупированы игрушечными домиками и кукольными кухнями, в отличие от наших? И это еще не все. Почему большинство известных мне детей-нефранцузов питается одними макаронами и рисом или ест только «детские» блюда (а их не так уж много), в то время как друзья моей дочки едят и рыбу, и овощи, да в общем все что угодно? Французские дети не хватают куски в перерывах между едой, довольствуясь полдником в определенное время. Как такое возможно?

Вот уж не думала, что проникнусь уважением к французским методам воспитания. Никто о таких и не слышал, в от-

личие от французской высокой моды или французских сыров. Никто не ездит в Париж учиться у французов методике воспитания детей, в которой нет места чувству вины. Напротив, мои знакомые мамочки в ужасе от того, что французенки почти не кормят грудью и спокойно позволяют своим четырехлеткам разгуливать с соской во рту. Но почему никто не говорит о том, что большинство малышей во французских семьях спят по ночам уже в два-три месяца? И что им не нужен постоянный присмотр. И что они не падают на пол в истерике, услышав родительское «нет».

Да, французские методы воспитания в мире толком не известны. Но со временем я поняла, что как-то незаметно родители-французы достигают результатов, создающих в семье совершенно иную атмосферу. Когда к нам в гости приходят семьи моих соотечественников, родители заняты в основном тем, что разнимают своих дерущихся чад, водят двухлеток за ручку вокруг кухонного стола или садятся с ними на пол и строят города из «лего». Кто-нибудь непременно закатывает истерику, и все принимают его утешать. Но когда у нас в гостях друзья-французы, все взрослые спокойно пьют кофе и общаются, а дети спокойно играют сами по себе.

Это не значит, что родители во Франции не беспокоятся о своих детях. Нет, они в курсе, что есть педофилы, аллергии и риск подавиться мелкими частями игрушек. И соблюдают все меры предосторожности. Но они не испытывают панического страха за благополучие своих детей. Это спокойное

отношение позволяет им эффективнее поддерживать баланс между границами дозволенного и детской самостоятельностью. (В 2002 году проводили опрос в рамках Международной программы социальных исследований: 90% французов ответили «Согласен» или «Полностью согласен» на утверждение: «Смотреть, как растут мои дети, – самая большая радость в жизни». Для сравнения, в США аналогично ответили 85,5%, в Великобритании – 81,1% родителей.)

Во многих семьях есть проблемы с воспитанием. О них написаны сотни книг и статей: чрезмерная опека, патологическая опека и мой любимый термин – «детопоклонничество» – когда воспитанию детей уделяют столько внимания, что самим детям это уже во вред. Но почему «детопоклоннический» метод воспитания так глубоко въелся нам под кожу, что мы не в силах избавиться от него?

Началось это в 1980-е, когда ученые получили данные (а пресса их широко распространила) о том, что дети из бедных семей отстают в учебе, так как им уделяется недостаточно внимания, особенно в раннем возрасте. Родители из среднего класса посчитали, что их чадам тоже не повредит больше внимания. При этом они стали преследовать еще одну цель – воспитывать детей особым образом, чтобы те могли стать частью «новой элиты». А для этого надо развивать детей «правильно» с самого раннего возраста, и желательно, чтобы в своем развитии они опережали других.

Бок о бок с идеей «соревнования родителей» крепло убеждение в том, что дети психологически уязвимы. Сегодняшние молодые родители – поколение, как никогда осведомленное по части психоанализа, – хорошо усвоили, что наши поступки способны наносить ребенку психологические травмы. Кроме того, наше взросление пришлось на бум разводов середины 1980-х, и мы решительно настроились вести себя самоотверженнее, чем наши собственные родители. И хотя уровень преступности резко упал по сравнению с небывало высоким в начале 1990-х, стоит только посмотреть новости, возникает впечатление, что жизнь детей никогда еще не подвергалась такому риску, как сегодня. Нам кажется, что мы растим детей в очень опасном мире, а значит, постоянно должны быть начеку.

Из-за этих страхов возник стиль воспитания, приносящий родителям сплошные стрессы, изматывающий их. Во Франции же я увидела, что есть другой путь. Во мне заговорили журналистское любопытство и материнское отчаяние. К концу нашего неудавшегося отпуска я решила выяснить, что же все-таки французы делают не так, как мы. Почему их дети не плюются едой? Почему на них не орут родители? Что это за невидимая сила, заставляющая всех вести себя прилично? И главное – могу ли я измениться и применить их методы к своему ребенку?

Я поняла, что на верном пути, когда обнаружила исследование, показавшее, что матери из города Коламбус в Огайо

считают уход за детьми в два раза менее приятным занятием, чем мамы из французского города Ренн. Мои наблюдения, сделанные в Париже и во время поездок в Америку, подтверждают: во Франции родители делают что-то такое, что превращает воспитание детей в радость, а не в тяжелый труд.

Секреты французского воспитания у всех на виду. Просто раньше никто не стремился их узнать.

Теперь в сумке для подгузников я ношу и блокнот. Каждый поход к врачу, на ужин, в гости к семьям с детьми, в кукольный театр – это возможность наблюдать за местными родителями в действии, чтобы выяснить, какими неписаными правилами они руководствуются.

Сначала было не совсем понятно. Среди французов тоже есть разные категории родителей – от чрезвычайно строгих до практикующих прямо-таки вопиющую вседозволенность. Расспросы ни к чему не привели: большинство родителей, с которыми я беседовала, утверждали, что не делают ничего особенного. Напротив, они были убеждены, что именно во Франции распространен синдром «ребенка-короля», из-за которого родители растеряли весь свой авторитет. (На что я отвечаю: «Вы не видели настоящих “детей-королей”. Поезжайте в Нью-Йорк – увидите!»)

Через несколько лет, после рождения в Париже еще двоих детей, ко мне стало приходить понимание. Я узнала, например, что во Франции есть свой «доктор Спок»: имя этой женщины знают в каждом доме, но ни одна ее книга не пе-

реведена на английский. Я читала их на французском, как и книги других авторов. Беседовала со многими родителями и бесстыже подслушивала везде: забирая детей из школы, во время поездок в супермаркет. В конце концов мне, кажется, стало ясно, что именно французы делают иначе.

Говоря «французы» или «французские родители», я, разумеется, обобщаю. Все люди разные. Просто большинство родителей, с которыми я общаюсь, живут в Париже и его пригородах. В основном это люди с университетским образованием, профессионалы, имеющие доход выше среднего. Не богачи, не знаменитости – образованный средний или чуть выше среднего класс.

Вместе с тем, путешествуя по Франции, я убедилась, что взгляды парижанок среднего класса на воспитание детей не чужды и француженкам из провинции, относящимся к рабочему классу. Меня поразило то, что, родители во Франции как будто не знают точно, в чем секрет воспитания, но тем не менее поступают одинаково. Обеспеченные адвокаты, воспитатели французских детских садов, учителя обычных школ, старушки, которые делают мне замечания в парке, – все руководствуются одними и теми же основными принципами. Эти принципы описаны во всех французских книгах по уходу за детьми, во всех журналах для родителей, которые попадались мне в руки. Прочитав их, я поняла, что, родив ребенка, необязательно выбирать какую-либо родительскую философию. Есть основные правила, которые все принима-

ют как должное. Это снимает с французских родителей половину тревог.

Но почему именно французы? Я вовсе не фанатка Франции. Напротив, я даже не уверена, нравится ли мне здесь жить. Но, несмотря на все проблемы, Франция – лакмусовая бумажка для выявления перегибов в других системах воспитания. С одной стороны, парижане стремятся побольше общаться с детьми, бывать с ними на природе, читать им больше книг. Они водят детей на теннис, рисование, в интерактивные научные музеи. С другой – им как-то удается участвовать в жизни детей, не превращая это участие в одержимость. Они считают, что даже хорошие родители не должны быть в постоянном услужении у своих детей и не должны при этом испытывать чувство вины. «Вечер – время для родителей, – объяснила знакомая парижанка. – Дочь может быть с нами, если хочет, но это время для взрослых».

Французские родители тоже стремятся уделять своим детям внимание, но не чрезмерное. Детям из других стран нанимают репетиторов по иностранным языкам и отправляют их в центры раннего развития в два года, а то и раньше, а во Франции карапузы продолжают карапузничать – как им и положено.

Практического опыта французским родителям не занимать. Во всей Европе наблюдается спад рождаемости, но во Франции – беби-бум. Из всего Евросоюза лишь в Ирландии уровень рождаемости выше. (В 2009 году уровень рождае-

мости во Франции составил 1,99 ребенка на одну женщину, в Бельгии – 1,83, в Италии – 1,41, в Испании – 1,4, в Германии – 1,36.¹⁾

Во Франции действует система социальной поддержки, благодаря которой быть родителем более привлекательно и менее напряженно. Детские сады бесплатны, страхование здоровья тоже, не надо копить на колледж. Многие семьи прямо на банковский счет получают ежемесячное пособие на детей. Однако все эти блага не объясняют различий в подходе к воспитанию, которые я вижу. Французы воспитывают детей по совершенно иной системе. Да и вообще, когда спрашиваешь французов, как они воспитывают своих детей, они не сразу понимают, что имеется в виду. «Как вы их воспитываете?», – настаиваю я и вскоре понимаю, что «воспитывать» – это узкоспециальное, редко используемое во Франции действие, связанное с наказанием. А французы своих детей *растят*.

Теориям воспитания, отличным от общепринятой системы, посвящены десятки книг. У меня такой теории нет. Но перед моими глазами целая страна, где дети хорошо спят, едят взрослые блюда и не “достають” своих родителей. Оказывается, для того чтобы быть спокойным родителем, не нужно исповедовать какую-то философию. Нужно просто по-другому взглянуть на ребенка.

¹ В России – 1,14. – Примеч. ред.

Глава 1

Вы ждете ребенка?

Было десять утра, когда шеф вызвал меня к себе и посоветовал воспользоваться медицинской страховкой. Напоследок. Так как после моего сокращения действовать она уже не будет. А сокращают меня через месяц с небольшим.

Тогда вместе со мной уволили более двухсот человек. Эта новость ненадолго вызвала рост стоимости акций владеющей нашей газетой компании, и я подумала – не продать ли мне свой небольшой пакет. Заработаю на своем же увольнении...

Но вместо этого я бродила по Манхэттену в ступоре. Погода была вполне соответствующая – лил дождь. Я набрала номер приятеля, с которым должна была встретиться вечером.

– Меня уволили, – сообщила я.

– Сильно расстроилась? – спросил он. – Может, отменим ужин?

Вообще-то я была рада. Наконец-то избавилась от работы, которую мне почти шесть лет не хватало решимости бросить. В качестве репортера международного отдела газеты со штаб-квартирой в Нью-Йорке я освещала выборы и финансовые кризисы в Латинской Америке. Нередко о задании мне сообщали за пару часов до вылета, после чего несколько

недель я жила в отелях. Было время, когда начальство ожидало от меня великих свершений, поговаривали о том, чтобы сделать меня редактором, оплатили даже курсы португальского.

Потом вдруг эти разговоры прекратились. И, как ни странно, меня это устраивало. Я очень любила фильмы о международных корреспондентах, но быть таким корреспондентом – совсем другое дело. Обычно я прозябала в одиночестве, вынужденная писать бесконечные репортажи на одну и ту же тему, осаждаемая звонками от редакторов, которым все время нужны были новые статьи. Новости для меня были чем-то вроде механического быка для родео. Мужчины, выполнявшие ту же работу, что и я, умудрялись находить себе жен-костариканок и колумбиек и путешествовать с ними. Их хотя бы ждал ужин на столе, когда они без задних ног приползали домой. Мужчин, с которыми встречалась я, было бы не просто возить с собой. Да и я редко задерживалась в одном городе, так что дело не доходило даже до третьего свидания.

Я была рада, что ухожу из газеты. Но была не готова стать изгоем. Когда после увольнения я все еще иногда заходила в офис, коллеги смотрели на меня, как на заразную. Люди, с которыми я работала годами, не разговаривали со мной и за километр обходили мой стол. Одна сослуживица пригласила меня на прощальный обед, а потом не захотела возвращаться в офис, чтобы нас не видели вместе.

Я давно забрала свои вещи, и тут мой редактор, которого не было в городе, когда полетели головы, вызвал меня на унижительное совещание и предложил работу с потерей в деньгах, после чего убежал на ланч. И мне вдруг стало ясно: я не хочу больше писать о политике и финансах. А хочу, чтобы рядом был мужчина.

Я стою на своей крошечной кухне, раздумываю о том, что мне делать дальше, и тут раздается звонок. Это Саймон. Мы познакомились полгода назад в баре в Буэнос-Айресе – общий знакомый привел его на вечеринку для зарубежных корреспондентов. Саймон журналист из Британии и приехал тогда в Аргентину на несколько дней писать материал о футболе. Я же приехала освещать их экономический кризис. Оказалось, что из Нью-Йорка мы летели одним рейсом. Он запомнил меня как девушку, задержавшую посадку: уже в «рукаве» я сообразила, что оставила покупки из дьюти-фри в зале вылета, и настояла, чтобы мне разрешили вернуться. (Аэропорты были тогда основными местами моего шопинга.)

Саймон пришелся мне по душе: смуглый, коренастый, остроумный. (Он среднего роста, но считает себя маленьким, так как вырос в Голландии, среди светловолосых гигантов.) Через несколько часов после нашей встречи я поняла, что такое любовь с первого взгляда – когда сразу начинаешь чувствовать себя рядом с человеком очень спокойно. Хотя

тогда признаваться ему в любви не стала, просто сказала: «Нам ни в коем случае нельзя вместе спать».

Я была влюблена, но осторожничала. Саймон только что переехал из Лондона в Париж, где купил скромную квартир-ку. Я постоянно перемещалась между Нью-Йорком и Южной Америкой. Поддерживать отношения на таком расстоянии казалось нереальным. После встречи в Аргентине мы иногда переписывались, но я не позволяла себе воспринимать его слишком серьезно, надеясь, что найдутся смуглые, остроумные парни и в моем часовом поясе.

И вот, когда спустя семь месяцев Саймон вдруг позвонил, и я призналась, что меня только что выгнали с работы, он не отнесся ко мне, как к бракованному товару; напротив, кажется, был рад, что у меня наконец появилось свободное время. Мол, у нас с ним есть «неоконченный разговор», и он хотел бы приехать в Нью-Йорк.

– Ужасная идея, – неловко среагировала я. Какой смысл? Переехать в Америку он все равно не сможет, ведь он пишет о европейском футболе. А я не говорю по-французски и никогда даже не думала жить в Париже. Хотя у меня и появилась свобода передвижения, я не хотела быть затянутой на чужую орбиту прежде, чем снова найду свою собственную.

Саймон все же приехал в Нью-Йорк. Появился у меня в той же потрепанной кожаной куртке, которую носил в Аргентине, и принес сэндвичи с копченым лососем из соседнего магазина. Через месяц в Лондоне он познакомил меня с

родителями; через полгода я продала почти все свое имущество, а то, что осталось, переправила во Францию. Друзья наперебой твердили, что я слишком тороплюсь, но я не обращала внимания. Свою однокомнатную нью-йоркскую квартиру я покинула, уплатив все задолженности по аренде, взяв с собой три огромных чемодана и коробку с латиноамериканскими монетами, которую подарила таксисту-пакистанцу, доставившему меня в аэропорт. Так в мгновение ока я стала парижанкой.

Двухкомнатная холостяцкая берлога Саймона находится в бывшем плотницком квартале восточного Парижа. Рассчитывая на не растраченную еще компенсацию за сокращение, я решаю забыть о финансовой журналистике и начинаю собирать материал для книги. Днем мы с Саймоном работаем, каждый в своей комнате.

Розовые очки нам пришлось снять почти сразу – из-за разногласий по части оформления интерьера. В книге по фэншуй я прочитала, что горы барахла на полу являются признаком депрессивного состояния. Однако в случае с Саймоном это всего лишь какая-то особая неприязнь к полкам. Зато он мудро потратил деньги на огромный стол из необработанного дерева, который занял половину гостиной, и допотопную систему газового отопления, которая не всегда обеспечивает нас горячей водой. Но больше всего меня по сей день раздражает постоянно высыпающаяся из его карманов мелочь, которая потом собирается в кучки по углам.

– Ну зачем тебе столько мелочи, избавься от нее – молю его я.

За пределами квартиры мне тоже не очень комфортно. Хотя мы и находимся в гастрономической столице мира, я никак не могу понять, что же нам есть. Как большинство американок, на момент переезда в Париж я имела довольно экстремальные пищевые пристрастия (вегетарианка, тяготеющая к диете Аткинса²). Здесь же меня со всех сторон осаждают продукция пекарен и мясные блюда в меню. Какое-то время я сижу исключительно на омлетах и салатах с козьим сыром. Когда я прошу официантов подать соус к салату отдельно, они смотрят на меня как на ненормальную. И я не понимаю, почему во французских супермаркетах можно найти любые американские хлопья к завтраку, кроме моих любимых, с изюмом и орехами, и почему в кафе не подают обезжиренное молоко!

Знаю, неблагоприятно с моей стороны не восторгаться Парижем. Но мне кажется, странно восхищаться городом только потому, что он такой красивый. Мне всегда нравились города менее идиллические – Сан-Паулу, Мехико, Нью-Йорк...

А район, в котором мы живем, не очень-то и красив. Повседневная жизнь полна маленьких разочарований. Наверное, «весне в Париже» все так радуются, потому что предшествующие ей семь месяцев здесь холодно и пасмурно. (А

² Низкоуглеводная диета, разработанная кардиологом Робертом Аткинсом. – Примеч. ред.

я приехала, как назло, в самом начале этого семимесячного отрезка.) Мне казалось, что я помню французский с восьмого класса, но парижане почему-то считают, что я говорю по-испански.

Мне многое нравится в Париже: например, двери вагонов метро открываются за несколько секунд до того, как поезд остановится, – то есть городские власти относятся к жителям как к ответственным взрослым людям. Также, к моей радости, за прошедшие с моего приезда полгода к нам в гости наведались почти все мои знакомые, включая тех, кого я отношу к категории «друзья с Фейсбука». Мы с Саймоном даже разработали строгую систему приема и рейтинговой оценки гостей: если приезжаешь на неделю, подарок хозяевам обязателен.

Меня не раздражает известная грубость парижан. Грубость предполагает хоть какое-то общение. Больше всего меня достает безразличие. Никому, кроме Саймона, нет до меня дела. А его часто не бывает дома – он реализует свою парижскую мечту. Она так проста, что до сих пор не разбилась при столкновении с реальностью. Насколько мне известно, Саймон не побывал ни в одном музее; он просто сидит с газетой в кафе, для него это сродни мистическому опыту. Однажды в ресторане по соседству он пришел в восторг, когда официант поставил перед ним сырную тарелку.

– Вот почему я живу в Париже! – заявил он.

Я тоже люблю сыр и люблю Саймона, а значит, смогу по-

любить и Париж – хотя бы ради этой вонючей сырной тарелки.

Но, если честно, иногда мне кажется, что дело не в Париже – дело во мне. В Нью-Йорке как-то принято, чтобы у женщины был легкий невроз. Принято разыгрывать очаровательные интеллектуальные драмы, как Мэг Райан в «Когда Гарри встретил Салли» и Дайан Китон в «Энни Холл». Хотя у моих нью-йоркских подруг нет серьезных проблем в жизни, кроме ссор с бойфрендами, они тратят на психотерапевтов больше, чем на аренду квартиры.

В Париже такой типаж выглядит более чем странно. Французы любят фильмы Вуди Аллена, однако среднестатистическая парижанка спокойна, скромна, слегка равнодушна и очень решительна. Она сама выбирает еду в ресторане и не распространяется о своих детских травмах и диете. Если символ Нью-Йорка – женщина, предающаяся воспоминаниям о прошлых неудачах и ищущая себя, спотыкаясь на каждом шагу, то парижанки не жалеют ни о чем, по крайней мере в открытую. Во Франции «невротик» – психический диагноз, а не полукомплимент, произнесенный с самоиронией.

Даже Саймона, британца, озадачивает моя неуверенность в себе и слишком частая потребность обсуждать наши отношения.

– О чем ты думаешь? – периодически спрашиваю я у него, обычно, когда он читает газету.

– О голландском футболе, – неизменно отвечает он.

Не могу сказать, серьезно он говорит или нет. Саймон почти никогда не бывает на сто процентов серьезен. Все, включая «я тебя люблю», произносит с легкой усмешкой. При этом он почти не смеется, даже когда я пытаюсь пошутить. (Кое-кто из его близких друзей даже не подозревает, что у него ямочки на щеках.) Саймон уверяет, что британцы редко улыбаются. Но мне не очень нравится, если наконец-то выдается шанс поговорить с кем-то по-английски, а этот «кто-то» меня не слушает.

Неспособность Саймона посмеяться углубляет культурную пропасть между нами. Я американка и люблю ясность. В поезде, по пути из Англии, куда мы ездили на выходные к родителям Саймона, спрашиваю его, понравилась ли я им.

– Конечно понравилась, ты что, не поняла?

– Они тебе это *сказали*? – не могла унять я.

В поисках компании я готова носиться по городу, вслепую назначая встречи со знакомыми знакомых. Большинство из них, как и я, американцы, переехавшие в Париж. Мало кого из них приводила в восторг перспектива познакомиться с бестолковой «новенькой». Для кого-то жизнь в Париже стала своего рода работой, ответом на вопрос «Чем занимаетесь?». Многие приходили на встречи с опозданием, совсем как местные. (Позднее я узнала, что французы, как правило, не опаздывают на встречи тет-а-тет. Вот на групповые мероприятия, включая детские дни рождения – очень часто.)

Первые попытки завести друзей среди французов оказа-

лись еще менее успешными. Вот пример. На вечеринке знакомлюсь с одной девушкой, экспертом по истории искусств; она моего возраста и прекрасно говорит по-английски. Но когда мы встречаемся у нее дома, становится ясно, что у нас совершенно разные понятия о женской дружбе. Я готова следовать американской модели: откровенные признания и тенденция «зеркалить» («О, и у меня тоже так было...»). Но француженка вяло ковыряет пирожное и что-то там нудит о теории искусств. В результате я ушла голодной, так и не узнав, есть ли у нее парень.

Мне удалось найти сочувствие лишь у Эдмунда Уайта, американского писателя, жившего во Франции в 1980-е годы. Вернее, в его книге. Он первый признался, что депрессия и неприкаянность – вполне нормальные чувства для живущего в Париже. «Представьте, что вы умерли и попали в рай. Но в один прекрасный день (или век) вы вдруг понимаете, что испытываете только грусть, хоть вас постоянно убеждали, что счастье совсем рядом. То же самое чувствуешь, живя в Париже годами, десятилетиями. Это тихий ад, настолько уютный, что напоминает рай».

Несмотря на все мои сомнения по поводу Парижа, у меня не было и нет колебаний в отношении Саймона. Я смирилась с его неряшливостью и научилась распознавать микровыражения его лица. Тень улыбки – значит, шутка ему понравилась. Редкая улыбка – высочайшая из похвал. Бывает, он да-

же говорит «смешно!» картонным голосом.

Меня радует, что у такого скупого на эмоции человека, как Саймон, множество старых и верных друзей. Возможно, секрет в том, что за ироничным фасадом кроется бестолковый обаяшка, который не умеет водить машину, надувать воздушные шарик и аккуратно складывать одежду, не помогая себе зубами. Он забивает холодильник консервами и готовит все при максимальной температуре, чтобы уж точно прожарилось. (Его приятели по колледжу признались, что Саймон прославился курицей, обугленной снаружи, но замороженной внутри.) Я научила его делать заправку для салата из оливкового масла и уксуса – он записал рецепт и достает его каждый раз, когда готовит ужин – даже спустя несколько лет!

У Саймона есть еще одно достоинство – во Франции его ничего не раздражает. Ему нравится быть иностранцем в чужой стране. Его родители – антропологи, в детстве он мотался по всему миру и с рождения привык находить лишь позитивное в местных обычаях. К десяти годам он успел пожить в шести странах (в том числе год в США), а языки он учит с такой же легкостью, как я покупаю туфли.

И вот я решила, что ради Саймона дам Франции шанс. Мы справили свадьбу в пригороде Парижа, в замке тринадцатого века, окруженном рвом. (На символизм не обращаю внимания.) Во имя супружеской гармонии сняли квартиру побольше. Я купила в ИКЕА книжные полки и расставила во

всех комнатах вазочки для монеток. Стремилась быть больше прагматиком, чем невротиком. В ресторанах мы старались заказывать по меню, в том числе фуа-гра. Мой французский все менее походил на превосходный испанский и все более на плохой французский. Вскоре я поняла, что почти обжилась: работаю дома, подписав контракт на книгу, сумела даже приобрести пару новых друзей.

Мы с Саймоном заводим разговор о детях. И он, и я хотим хотя бы одного. (Я вообще-то – троих.) Мне нравится перспектива родить в Париже: тогда дети без труда научатся двум языкам сразу и станут космополитами, не прикладывая никаких усилий. Даже если в школе их будут считать «ботанами», достаточно сказать: «Я вырос в Париже» – и ты крутой!

Волнуюсь, смогу ли забеременеть? Всю свою взрослую жизнь пыталась этого избежать, и весьма успешно. Понятия не имею, получится ли наоборот? Выходит все стремительно, в духе нашего с Саймоном романа. Буквально вчера я гуглила «как забеременеть» – и вот уже разглядываю две полоски на тесте.

Я в экстазе. Но к радости примешивается беспокойство. Моя решимость как можно меньше походить на Кэрри Брэдшоу из «Секса в большом городе» и больше – на Катрин Денёв терпит крах. Не самый подходящий момент, чтобы вести себя по-французски. У меня появляется навязчивая идея:

я должна узнать все о беременности, чтобы она была идеальной.

Сообщаю Саймону хорошую новость и уже через пару часов сижу в Интернете на сайтах, посвященных беременности, а потом бегу покупать книжки для будущих мам в англоязычном магазине рядом с Лувром. Хочу, чтобы мне объяснили – на английском! – чего следует бояться.

Не прошло и нескольких дней, как я начала пить витамины, чуть ли не каждый час сверяясь с разделом «Безопасно ли это?» на сайте *Babycenter*. Безопасно ли беременным есть продукты, экологическая чистота которых не проверена? А сидеть целый день за компьютером? А носить каблуки, объедаться конфетами на Хэллоуин, ездить в отпуск в горы? От этого раздела невозможно оторваться, потому что чтение порождает новые и новые тревоги: безопасно ли пользоваться ксероксом? а глотать сперму?.. Но при этом ни на один вопрос вы не получите однозначного «да» или «нет». Вместо этого эксперты либо спорят друг с другом, либо отвечают двусмысленно. Безопасно ли делать маникюр во время беременности? Да, но постоянное вдыхание паров растворителя вредно для здоровья. Безопасно ли играть в боулинг? И да, и нет...

Все мои знакомые верят, что беременность, а впоследствии и материнство прежде всего требуют основательной теоретической подготовки. Необходимо выбрать один из тысячи методов воспитания – тот самый, который вы будете ис-

поведовать. С кем бы я ни обсуждала эту тему, у каждого находилась своя библия. Я купила все что могла. Но эти книги не помогли мне почувствовать себя более подготовленной. Напротив, в них оказалось столько противоречивой информации, что дело ухода за детьми показалось неразгаданной загадкой. Кто они такие, эти дети, и что им нужно? Ответ зависит от того, какую книгу вы читаете.

А еще мы, беременные, становимся экспертами по осложнениям. В Париж из Нью-Йорка приехала моя подруга (она на шестом месяце) и заявила, что существует вероятность – пять на тысячу, – что ее ребенок родится мертвым. О да, она понимает, что говорить об этом ужасно и бессмысленно, но ничего не может с собой поделать. Еще одна моя подруга, к несчастью, обремененная докторской степенью по медицине, весь первый триместр рассчитывала, насколько вероятно, что ее пока еще не родившийся ребенок подхватит какую-нибудь заразу.

Когда мы поехали в гости к родителям Саймона в Лондон (я все-таки решила проверить, действительно ли они меня обожают), до меня дошло, что британцы тоже заражены вирусом «беременно-материнской паранойи». Сижу я себе в кафе, и вдруг ко мне подходит прилично одетая женщина и докладывает о новом исследовании: мол, употребление кофеина в больших количествах увеличивает риск выкидыша. И чтобы доказать верность своих слов, она добавила, что ее муж врач. Мне было совершенно безразлично кто ее муж.

В тот момент меня раздражало, что она, вероятно, думала, будто я не знаю о вреде кофеина. Еще как знаю, поэтому и пыталась ограничить себя одной чашкой в неделю.

Когда столько всего надо изучить, да еще поволноваться по разным поводам, беременность с каждым днем все больше становится похожа на полноценную работу. Книга, которую нужно было сдать до рождения малыша, оказалась брошенной. Вместо нее я целыми днями просиживала в чатах с другими беременными, моими соотечественницами. Как и я, они привыкли контролировать любую мелочь, вплоть до того, что кофе надо пить с соевым молоком вместо обычного. Им, как и мне, было не по себе от мысли, что мы не в силах управлять примитивным процессом, который сейчас происходит у нас в организме, уравнивая нас с остальными млекопитающими. Беспокойство сродни привычке хвататься за подлокотники кресла во время турбулентности – иллюзия, что мы еще в силах что-то контролировать!

Книги для беременных, издаваемые в Америке, стимулируют эту паранойю. В основном они посвящены тому, что каждой беременной женщине уж точно под силу контролировать, – еде. «Поднося вилку ко рту, задумайтесь: пойдет ли этот кусок на пользу вашему малышу? Если ответ “Да”, спокойно ешьте», – поучают авторы параноидальной (и очень популярной) инструкции для беременных «Чего ждать, когда ждешь ребенка».

Я в курсе, что не все запреты из книг одинаково важно со-

блюдать. Да, сигареты и алкоголь – однозначно плохо, но вот морепродукты, мясные деликатесы, сырые яйца и сыры из непастеризованного молока опасны лишь, если заражены листерией и сальмонеллой. Однако все эти запреты мною свято соблюдаются. На всякий случай. С устрицами и фуа-гра это несложно, но сырный вопрос стоит особенно остро.

– Пармезан, которым посыпаны макароны, из пастеризованного молока? – спрашиваю официанта, повергая его в ступор.

Всю тяжесть моей паранойи испытывает на себе Саймон. Хорошо ли он вымыл доску после разделки курицы? Или ему плевать на нашего еще не родившегося малыша?

«Чего ждать...» рассказывает о «диете для беременных», которая, по утверждению авторов, способна «улучшить развитие мозга у плода», «снизить риск врожденных пороков» и «увеличить шансы ребенка вырасти здоровым». Каждому продукту соответствует определенное количество баллов. Голод – не проблема: если в конце дня вам захочется чего-нибудь сытного, авторы не запрещают съесть порцию салата с вареным яйцом.

Признаться, я купилась на слово «диета». Всю жизнь я сидела на диете, чтобы сбросить вес, и теперь так захватывающе сидеть на диете, чтобы *набрать вес!* Настоящая награда за все прошлые годы... В онлайн-форумах полно женщин, набравших по двадцать, двадцать пять килограммов выше нормы. Разумеется, всем нам хотелось бы походить на бере-

менных звезд с компактными животиками, обтянутыми дизайнерскими вечерними платьями, или моделей с обложки *Shape-mother*. Некоторым из моих знакомых это даже удавалось. Но общий посыл для американских мамочек таков: ни в чем себе не отказывать. «Не стесняйтесь, ешьте, – призывают авторы «Энциклопедии беременности», которую я стала брать с собой в кровать. – Какие еще радости в жизни беременной женщины?»

Что характерно, спецдиета для беременных допускает периодические поблажки в виде чизбургера из «Макдоналдса» или пончика с глазурью. Вообще говоря, беременность по американским понятиям – одна большая поблажка. Список продуктов, на которые особенно тянет во время беременности, похож на перечисление всего, в чем женщины отказывают себе с тринадцати лет: чизкейки, молочные коктейли, макароны с сыром, сливочное мороженое... Мне же хочется поливать все лимонным соком и есть целиком батоны.

Кто-то – не помню кто – рассказывал, что Джейн Биркин, британская актриса и модель, добившаяся успеха в Париже, жена легендарного Сержа Гензбура, никак не могла запомнить, как правильно попросить в булочной один багет – *un baguette* или *une baguette* – поэтому всегда заказывала *deux baguettes* – два багета. Не знаю, правда ли это, но действую так же. И дома съедаю *deux baguettes* – тростинка Биркин такого себе никогда бы не позволила.

Но дело не только в фигуре. Куда делся человек, некогда

беспокоившийся о судьбе бездомных палестинцев? Теперь все мое время посвящено изучению последних моделей колясок и запоминанию возможных причин колик. Эволюция от *женщины* к *мамочке* неизбежна. На развороте журнала для беременных красуются модели с огромными животами, в широких рубахах и штанах, похожих на мужские пижамные, – и все это снабжено подписью: «В этом наряде вы можете ходить куда угодно». Видимо, понимая, что я никогда уже не закончу свою несчастную книгу, начинаю мечтать о том, чтобы бросить журналистику и стать акушеркой.

Сексуальная жизнь – последняя упавшая костяшка пресловутой змейки домино. Хотя технически секс не запрещен, книги вроде «Чего ждать...» предупреждают, что во время беременности заниматься им опасно. «То, из-за чего вы, собственно, оказались в таком положении, теперь становится вашей главной проблемой», – огорчают читательниц авторы. И перечисляют восемнадцать пунктов, мешающих полноценной интимной жизни, включая «страх занести инфекцию при введении пениса во влагалище». Тем же, кто находит интимный процесс не слишком приятным, авторы предлагают совместить неприятное с полезным и делать во время секса упражнения Кегеля, готовя тем самым родовые пути к главному событию.

Не уверена, что кто-то следует всем этим советам. Книги для беременных, скорее, нужны для того, чтобы внушить нам, беременным, что вести себя полагается соответственно.

И хотя я за границей, внушение действует.

Я начинаю подозревать, что растить ребенка во Франции и в США – две разные вещи. Сидя в кафе в Париже и упираясь животом в стол, я обнаруживаю, что никто не бросается ко мне, чтобы предупредить о вреде кофеина. Напротив, в шаге от меня люди спокойно закуривают. Незнакомые, увидев мой живот, могут лишь спросить: – «Вы ждете ребенка?»

Я не сразу понимаю, что речь идет не о каком-то малыше, который опаздывает к обеду, они имеют в виду «Вы беременны?».

Итак, я жду ребенка. Это, пожалуй, самое важное в моей жизни, то, чего еще никогда не было. И несмотря на все мои претензии к Парижу, хорошо быть беременной в городе, где мне нет никакого дела до чужого мнения.

Когда я готовилась к переезду в Париж, я не думала, что это навсегда. Теперь начинаю беспокоиться, что Саймону слишком уж нравится быть иностранцем в чужой стране. Он повидал столько стран, что для него это естественное состояние. Однажды он признался, что чувствует себя как дома среди людей любой национальности, в любом городе, не испытывает желания обустроиваться в каком-то определенном месте. Как говорится, все свое ношу с собой.

Несколько наших англоговорящих друзей уже уехали из Франции, поменяв работу. Но наша работа позволяет жить где угодно. По большому счету, у нас нет причин покидать Париж. «Нет причин», да еще ребенок – мне это кажется вес-

кой причиной.

Глава 2

Роды по-парижски

Район, где мы теперь живем, не похож на Париж с открытки. Дом стоит на узком тротуаре, недалеко от китайского рынка – вокруг снуют люди с огромными сумками, набитыми дешевыми шмотками. Никаких признаков, что это тот город, где находятся Эйфелева башня, Нотр-Дам, течет изящная извилистая Сена.

Но нам почему-то нравится. Мы с Саймоном находим неподалеку любимые кафе – каждый свое – и ходим туда по утрам, чтобы побыть в одиночестве.

Общение в парижских кафе регулируется непривычными для меня правилами: здесь можно поболтать с барменом, однако не приветствуется заводить разговоры с другими посетителями. А я, хоть и иностранка, нуждаюсь в человеческом общении. Однажды утром пытаюсь завести разговор с мужчиной за соседним столиком, которого несколько месяцев вижу здесь каждый день. Говорю ему, что он похож на одного моего знакомого из Штатов, – это действительно так.

– На Джорджа Клуни? – ехидно отвечает он. Больше я с ним не заговаривала.

С нашими новыми соседями общение складывается лучше. С запруженного тротуара у нашего дома можно по-

пасть в дворик, мощеный брусчаткой, в котором окна многоквартирных и одноэтажных частных домов смотрят друг на друга. Здесь живут художники и прочая творческая богема, молодые профессионалы – вроде безработные, но как-то сводят концы с концами. А еще старушки, нетвердо ступающие по мостовой. Мы живем так близко друг от друга, что они не могут не заметить нашего присутствия рядом. Хотя некоторые все же умудряются.

К счастью, моя соседка Анна, архитектор, тоже беременна – срок у нее на пару месяцев меньше моего. И вот я, все еще страдающая паранойей из-за каждого съеденного кусочка, невольно стала замечать, что она и другие беременные француженки относятся к своему положению совсем иначе.

А именно: беременность для них вовсе не повод перелопатить весь Интернет, посвятив себя серьезной исследовательской работе. Да, во Франции полно книг о беременности и уходе за детьми, журналов и сайтов. Но читать их вовсе не обязательно, никто не занимается этим круглыми сутками. Ни одна из моих знакомых француженок не морочит себе голову выбором подходящего метода воспитания – они даже не знают их названий! Не существует и книг, прочесть которые считается обязательным, да и авторов книг для беременных никто не считает непререкаемым авторитетом.

– Эти книги могут пригодиться людям, которые не очень уверены в своих силах, но ребенка по книгам не вырастишь! Тут нужно не знать, а чувствовать, – решительно заявляет

одна мама-парижанка.

Конечно, не все мои знакомые француженки относятся к роли будущей мамы с полной невозмутимостью. Их тоже тревожит эта роль, и они понимают, какие глобальные жизненные изменения им предстоят. Но при этом француженки реагируют на свои переживания иначе. Будущие мамочки из других стран часто демонстрируют, что многим готовы пожертвовать во время беременности, а француженки излучают спокойствие и гордятся тем, что не намерены отказывать себе в удовольствиях.

Разглядываю разворот в журнале «Девять месяцев» (*Neuf Mois*): женщина на последних сроках беременности в кружевном белье, лакомясь пирожными, слизывает с пальчика джем. «Во время беременности почувствуйте себя настоящей женщиной, – говорится в другой статье. – Нет ничего хуже, чем ходить в мужниных рубашках, как бы вам этого ни хотелось!» Рядом – список афродизиаков для будущих мам: шоколад, имбирь, корица и, поскольку мы во Франции, горчица.

Француженки воспринимают эти призывы всерьез. Я понимаю это, побывав у Самии – мамочки, живущей по соседству. Дочь алжирских эмигрантов, она выросла в Шартре. Я восхищенно разглядываю высокие потолки и люстры, а она тем временем берет пачку фотографий с камина.

– На этой я беременна, и на этой. *Et voilà*, смотри, какой огромный живот! – она протягивает мне несколько снимков.

И правда, на фото она совсем на сносях. А еще совсем голая. Я в шоке – ведь мы с ней едва перешли на «ты», а она уже демонстрирует мне свои фото ню. Но не могу не признать – фотографии шикарные. Самия похожа на одну из тех моделей в кружевном белье из журнала – только без белья.

Справедливости ради скажу, что такая экстравагантность ей свойственна. Даже свою двухлетку она отводит в садик при полном параде – ни дать, ни взять, роковая красотка из фильмов *нуар*: бежевый плащ, туго затянутый на талии, черная подводка и свежий слой блестящей красной помады. А еще она единственная среди моих знакомых француженок, кто действительно *носит берет*.

Самия без возражений восприняла общепринятое во Франции мнение: женщина не перестает быть женщиной после 40-недельного превращения в мамочку. Французские журналы для беременных не только не запрещают будущим мамам заниматься сексом, они объясняют, как это делать. В «Девяти месяцах», к примеру, перечислены десять различных поз, в том числе «наездница», «наездница задом наперед», «гончая» («Настоящая классика!» – гласит комментарий) и «стул». А как вам описание позы «гребца»? Выполняется в несколько этапов: «Раскачиваясь вперед-назад, мадам достигает приятнейших ощущений...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.